

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

СЛОВА, КОТОРЫМИ МЫ ЭТО НАЗЫВАЛИ

*Записки служащих «Управления
по водоснабжению и профилактике»*

«продукция»

бактериальная масса

«манёвры»

испытания на людях

«особая отправка»

отправка на смерть

«брёвна»

люди

По материалам Хабаровского процесса 1949 года

Александр Булгаков

**СЛОВА, КОТОРЫМИ
МЫ ЭТО НАЗЫВАЛИ**

«Автор»

2026

Булгаков А.

**СЛОВА, КОТОРЫМИ МЫ ЭТО НАЗЫВАЛИ / А. Булгаков —
«Автор», 2026**

Январь 1950 года, лагерь для японских военнопленных. Бывший начальник филиала отряда 731 находит русское издание материалов Хабаровского процесса и видит: в книге нет ни одной неверной цифры — и не рассказано ничего. Шестеро служащих садятся писать свою, по трём правилам: писать только о том, что видел сам; не править чужих глав; не писать «нас заставили». Производственник, гордившийся укладкой склянок. Интендант, составивший акт о списании восьмидесяти окровавленных одеял. Жандарм, помнящий порядок оформления справки в трёх экземплярах. Ветеринар, отбиравший в загоне здоровых овец — чтобы было чем заразить. Ефрейтор, считавший на клейкой бумаге блох. В книге нет ни одной сцены истязания. Ужас держится на служебном языке: «продукция», «манёвры», «особая отправка», «брёвна». Восемьдесят одеял они помнят до шулки. Имён не помнят вовсе — ни одного. Документальный роман по материалам Хабаровского процесса 1949 года.

© Булгаков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Предисловие, которого не было в протоколе	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «ВОДОСНАБЖЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА»	9
Глава первая. Долг, оплаченный вперёд	9
Глава вторая. Слово за обедом	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Александр Булгаков

СЛОВА, КОТОРЫМИ МЫ ЭТО НАЗЫВАЛИ

СЛОВА, КОТОРЫМИ МЫ ЭТО НАЗЫВАЛИ

Записки служащих «Управления по водоснабжению и профилактике»

Документальный роман

18+

По материалам судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия (Хабаровск, декабрь 1949 года). Рассказчики вымышлены. Подробнее — в справке от автора в конце книги.

О содержании. Книга написана о военных преступлениях: о подготовке бактериологической войны, об опытах над людьми и о гибели тысяч заключённых. Это тяжёлый материал, и читателю следует знать об этом заранее.

При этом в книге нет ни одной сцены истязания, ни одного описания физических мучений и ни одного натуралистически подробного места. Так сделано нарочно, и об этом сказано внутри самой книги: рассказчики — служащие, которые сами в камеры не входили, и о происходившем они знают из отчётов, накладных, подсчётов и телефонных звонков. Ужас здесь передаётся служебным языком, а не подробностями.

Книга не оправдывает и не эстетизирует преступления своих рассказчиков. Она написана против войны и против того устройства дела, при котором тысячи обыкновенных людей становятся его исполнителями, не делая ничего, что сами считали бы невозможным.

Пролог. Предисловие, которого не было в протоколе

Записал Арита Сюити, подполковник медицинской службы, бывший начальник филиала
Книга началась из-за печки.

Я пишу это не ради красивого начала. В бараке была чугунная печь, топили её мы сами, и дежурный по бараку обязан был следить, чтобы она не погасла к утру, потому что утром в ней разжигать было нечем — бумаги у нас не было. В январе пятидесятого года дежурным был я.

Около двух часов ночи я спустился к печи с тем, что нашёл в углу у двери: кто-то оставил там русскую книгу в серой обложке. Книги в бараке не оставляли. Я решил, что её забыл переводчик, который приходил днём, и что до утра её никто не хватится, а бумага горит хорошо.

Я открыл её, чтобы вырвать первые страницы.

На титульном листе стояло: «Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия». Ниже — год: тысяча девятьсот пятидесятый. Я читаю по-русски медленно, со словарём в голове, но эти слова я знал наизусть, потому что слышал их на своём суде в октябре сорок девятого примерно двести раз.

Я сел на пол у печки и просидел там до рассвета. Печь погасла. Утром мне было объявлено замечание.

Всё, что я прочёл, было правдой. Это первое, что я должен сказать, и я прошу читателя не искать здесь другого. Я не нашёл в этой книге ни одной неверной цифры. Там, где речь шла о моём филиале, числа были мои: я сам их называл, сначала на следствии, потом в зале. Двести порожних банок. Семьдесят пять тонн. Двадцать граммов. Всё верно.

И при этом не было рассказано ничего.

Страница устроена так:

Вопрос: Были ли получены вашим филиалом двести банок?

Ответ: Были получены.

Это правда, и в этой правде нет ни склада в Муданыцзяне, где они стояли, ни запаха бензина, который из них не выветривался, ни младшего унтер-офицера, который принимал их по накладной и сказал мне, что банки хорошие, крепкие. Нет того, что я подумал, когда их увидел. А я подумал: мало.

Вопрос: Как специалист-бактериолог вы понимали, какую страшную опасность для человечества представляют эти паразиты?

Ответ: Да, знал.

Так точно. Знал. Но между «знал» и тем, как я это знал, лежит четыре года моей жизни, и в протоколе их нет, потому что протокол не для этого сделан. Протокол устанавливает. Он не рассказывает.

Через неделю я заговорил об этом с Канно.

Канно Тадаси, майор медицинской службы, был в отряде начальником производственной группы четвёртого отдела, то есть человеком, который делал то, что я потом развозил по филиалам. На процессе мы сидели в одном ряду. В лагере он работал в санчасти и считался среди русских врачей знающим человеком. Он выслушал меня, помолчал и сказал:

— Вы хотите написать оправдание.

Я ответил, что нет.

— Тогда вы хотите написать объяснение. Это то же самое, только длиннее.

Я сказал, что хочу написать то, чего в протоколе нет: как это было устроено изнутри. Не почему мы это делали — на этот вопрос я не знаю ответа и не думаю, что он есть, — а как именно оно делалось. Из чего. В каком порядке. На какие деньги. Какими словами.

Канно спросил:

— Кому?

Я не нашёл сразу, что сказать, и ответил глупо: домой.

— Дома это не напечатают, — сказал он. — И читать не станут. Там сейчас другое.

— Тогда пусть лежит.

Он снова помолчал. Канно вообще молчал больше, чем говорил, и я до сих пор думаю, что это было не от сдержанности, а от осторожности: он привык, что каждое его слово кем-нибудь записывается. Потом он сказал:

— Я напишу про котлы. Про остальное пусть пишет кто-нибудь другой.

Так нас стало двое. К весне стало шесть.

Я перечислю всех сразу, чтобы потом не возвращаться.

Канно Тадаси, майор медицинской службы, бактериолог. Производственный отдел, станция Пинфань. Институт ему оплатило военное министерство, и за это он был обязан служить. Пишет об оборудовании и о числах.

Я, Арита Сюити, подполковник, начальник филиала на границе. Пишу о бумагах: приказах, накладных, отчётах, шифртелеграммах. И о том, как я всё это сжёг.

Сэгава Хидэо, ефрейтор, санитар-лаборант. Восемь классов школы. Ему был двадцать один год, когда война кончилась, и двадцать шесть, когда он согласился писать. Самый молодой из нас и получивший самый короткий срок. Пишет о том, что ему поручали, и о том, как долго он не позволял себе понять, зачем.

Фукуда Горо, фельдфебель жандармерии¹. Был при отряде в жандармской группе; возил людей с харбинского вокзала. Пишет о порядке отправки. Его главы самые короткие и самые холодные, и я просил бы читателя не пропускать их из-за этого, а наоборот.

Маэда Киёси, поручик ветеринарной службы. Другой отряд — тот, что числился противозэпизоотическим и стоял под Чанчунем. Пишет о скоте, о пастбищах и о реке Дербул.

Ито Масао, вольнонаёмный, впоследствии офицер-стажёр интендантской службы². Попал к нам через контору по найму — искал работу. Пишет о складе, о снабжении, о ценах и весе. Он единственный из нас шестерых, кто ничего не выращивал и никого не заражал, и ему, по-моему, тяжелее всех.

Мы договорились о трёх правилах, и я привожу их здесь, потому что они определили всю книгу.

Первое. Каждый пишет только то, что видел сам или делал сам. Слухи, если они приводятся, обозначаются как слухи, с указанием, от кого. Это правило взято из протокола, и оно единственное, что я оттуда взял с благодарностью: оно не даёт прятаться в общем.

Второе. Никто не правит чужих глав. Если я считаю, что Маэда написал о себе слишком мягко, я могу сказать ему это, но вычеркнуть не могу. Поэтому в книге есть места, где мы противоречим друг другу, и мы их не согласовали.

Третье. Никто не пишет «нас заставили».

Третье правило предложил Канно, и оно нам всем далось труднее всего. Нас действительно заставили — в том смысле, в котором любого служащего заставляет приказ. На следствии мы все это говорили, и это было записано, и это не ложь. Сэгава тогда сказал про себя: меня обманули. Это тоже не ложь: его действительно обманывали с семи лет, в школе и потом. Но если книга начнётся с того, что мы ни при чём, её можно не писать: всё это уже сказано, и сказано короче.

¹ Японские воинские звания в советских документах и в переводах материалов процесса передавались привычными русскими дореволюционными словами: фельдфебель, унтер-офицер, ефрейтор, прапорщик, подпоручик, поручик. Прямых соответствий японские звания не имели; здесь сохранена та передача, которая стоит в источнике.

² Вольнонаёмный — гражданский служащий при воинской части, не состоящий на военной службе. В отряде № 731 вольнонаёмные составляли значительную часть персонала: лаборанты, техники, кладовщики. Интендантская служба — служба снабжения: продовольствие, вещевое имущество, расчёты.

Был ещё спор о названии. Ито предлагал назвать «Управление по водоснабжению и профилактике» — так, как наш отряд именовался официально, с расчётом на то, что читатель поймёт издёвку. Канно возражал, что издёвка — это роскошь. Фукуда вообще не хотел названия.

Сэгава, который до тех пор в спорах не участвовал, сказал:

— Назовите так, как мы это называли.

Его спросили, что он имеет в виду.

— Мы ведь ничего не называли своими именами, — сказал он. — Люди были не люди. Атака была экспедиция. Испытания были манёвры. Я считал блох и писал в графу «количество». Вот и назовите: слова, которыми мы это называли.

Так и назвали.

Теперь последнее, и к этому я прошу отнестись серьёзно.

В этой книге мы будем употреблять те слова, которыми пользовались тогда. Не потому, что мы к ним привыкли, — хотя мы к ним привыкли, — а потому, что иначе ничего не объяснить. Если я напишу «я получил приказ выращивать переносчиков чумы для убийства людей», это будет верно по существу и неверно по факту: такого приказа мне никто не отдавал. Мне была послана шифртелеграмма, предписывавшая усилить массовое размножение, и я выслал двух человек на курсы. Разница между этими двумя фразами и есть предмет нашей книги.

Поэтому дальше будут встречаться: водоснабжение, профилактика, продукция, материал, манёвры, экспедиция, особая отправка, культиватор, инкубатор, брёвна.

Если в каком-то месте вам станет непонятно, о чём идёт речь, — значит, вы поняли правильно. Нам тоже было удобно не понимать.

В конце книги мы приложили список этих слов и напротив каждого написали, что оно означало. Список составлялся последним. Он занял одну страницу и отнял у нас больше времени, чем всё остальное.

Январь 1950 — ноябрь 1955

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «ВОДОСНАБЖЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА»

Глава первая. Долг, оплаченный вперёд

Канно Тадаси

В тридцать первом году я поступил в медицинский институт в Токио на правах стипендиата военного министерства.

Это надо объяснить, потому что в этой фразе всё моё дело. Министерство платило за обучение, выдавало содержание и помогало с жильём. За это выпускник был обязан поступить на военную службу врачом. Не «мог», а был обязан: это стояло в бумагах, которые подписывали и я, и мой отец.

Отец держал полтора тана земли³ и мастерскую, где подшивал обувь. Нас было четверо, я старший. Когда в нашем городке стало известно, что сын Канно будет учиться в Токио на казённый счёт, отец впервые за мою жизнь пошёл в парикмахерскую.

Я пишу об этом не для того, чтобы меня жалели. Я пишу это потому, что хочу быть точным насчёт того, чем именно меня купили. Меня не покупали чинами и не покупали идеей. Меня купили тем, что моей матери не пришлось просить в долг.

До двадцати восьми лет я был просто врачом. Я лечил солдат от дизентерии, от трахомы и от последствий дурной воды, и в этом не было ничего, чего я стыдился бы. Бактериологией я занялся потому, что она была новой и в ней можно было сделать имя. Это тоже правда, и она неприятнее первой.

В декабре тридцать девятого года я получил предписание отбыть в распоряжение Управления по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии⁴.

Название было длинное и скучное, и в этом была его работа. В армии служат десятки тысяч человек, и большинство из них никогда не задумывается, чем занимается учреждение с длинным скучным названием. Вода и профилактика — значит, колодцы, фильтры, прививки. Прекрасная, полезная служба, в которой нет ни чести, ни славы и поэтому нет и зависти.

Я ехал туда без волнения. В поезде я думал о том, что в Маньчжурии холодно и что надо будет написать домой адрес.

Городок стоял у станции Пинфань, в двадцати километрах от Харбина⁵.

Первым, что я увидел, подъезжая, была запретная зона. Её объявили приказом главного командующего: в расположении отряда и поблизости от него посторонним запрещалось жить и проходить. Это распространялось и на воздух — самолётам было запрещено пролетать над расположением. Я узнал об этом в первый же день из наставления по внутренней службе и помню, что подумал: странно, что у профилактики такое небо.

Вторым, что я увидел, было главное здание. Оно стояло замкнутым четырёхугольником, в три этажа, и я, глядя на него с дороги, решил, что это обычный тип постройки для казарм в холодном климате: двор внутри, чтобы не выдувало.

³ Тан — японская мера площади, около 0,1 гектара (991,7 м²). Полтора тана — примерно 15 соток: наделы такого размера кормили семью лишь при очень интенсивном труде, и крестьянские хозяйства, как правило, подрабатывали ремеслом.

⁴ Квантунская армия — крупнейшая группировка японских войск, с 1919 года расквартированная в Китае (Квантунская область, затем Маньчжурия). К 1945 году насчитывала свыше миллиона человек и рассматривалась как главная сила для войны против СССР. Разгромлена советскими войсками в августе 1945 года.

⁵ Пинфань (Пинфан) — местность под Харбином, где с 1936 года располагался закрытый военный городок отряда № 731. Сейчас входит в черту Харбина; на месте бывшего отряда действует музей.

Двор внутри был. И в этом дворе, скрытые со всех четырёх сторон стенами собственного отряда, стояли ещё два здания, в два этажа, под номерами семь и восемь.

Снаружи их не было видно. С дороги их не видел никто. В первые месяцы я не задавался вопросом, что в них, потому что в городке было много построек, и все имели номера.

Теперь о деньгах, потому что деньги — это и есть структура.

В сороковом году отряду было ассигновано десять миллионов иен⁶. Я знаю эту цифру не из газет, а из служебного порядка: часть смет проходила через меня. Из этих десяти миллионов на довольствие и содержание личного состава уходило около трёх. Остальные семь шли на производство и на то, что в бумагах именовалось исследовательскими работами.

Семь миллионов иен в год на исследования — это очень много. В тридцать девятом году в Японии это были деньги целого института, и не бедного. Я видел эти цифры и не делал из них вывода. Я делал вывод, что мне повезло с местом службы: здесь работают всерьёз, здесь не экономят на реактивах, здесь можно вырасти.

Из всего, в чём я признался на следствии, это самое тяжёлое, и признался я в этом не следователю, а здесь.

Я обрадовался смете.

Отряд делился на штаб и филиалы, а штаб — на восемь отделов. Я перечислю их в том порядке, в каком их перечисляли нам, и прошу обратить внимание на порядок.

Первый отдел — исследовательский. Основные работы в области подготовки бактериологической войны. Ему же подчинялась тюрьма отряда.

Второй отдел — экспериментальный. Проверка в полевых условиях того, что выведено в первом. Ему подчинялся полигон на станции Аньда, авиационная часть с самолётами, оборудованными специальной аппаратурой, и отделение, занимавшееся размножением паразитов.

Третий отдел — профилактика и водоснабжение, в Харбине. Единственный, который действительно занимался водой. В нём же были производственные мастерские, и они выпускали корпуса для специальных снарядов. Так что и у воды была своя доля.

Четвёртый отдел — производственный. Размножение и культивирование. Кроме того, изготовление вакцин и сывороток — это записывалось первым, когда отчитывались наверх, и вторым, когда отчитывались внутри.

Дальше материальный отдел, учебно-просветительный, клинический и общий.

Когда мне впервые назвали это вслух — начальник общего отдела, за чаем, в порядке ознакомления, — я задал один вопрос: какой отдел ведаёт водоснабжением? Мне ответили: третий, он в Харбине, вы там будете редко.

И это было всё. Больше я вопросов не задал.

Я хочу объяснить, почему. Не оправдать — объяснить, это разные вещи, как мне было указано ещё в начале нашей работы над книгой.

Когда человек приезжает на новое место службы, он занят собой. Он выясняет, где столовая, кому кланяться первым, когда баня и у кого можно достать хорошую бумагу. Он не задаёт вопросов о существовании дела, потому что существо дела, как ему кажется, выяснится само собой за первый год. Это верно: оно выясняется. Но к тому времени он уже свой, у него уже есть место в столовой, он уже кому-то кланяется первым, и ему уже достали хорошую бумагу.

Устройство нашего отряда было рассчитано на это так же точно, как автоклав рассчитан на давление.

К весне сорокового года я знал, где столовая.

⁶ Для сравнения: месячное жалованье квалифицированного рабочего в Японии конца 1930-х годов составляло несколько десятков иен, младшего офицера — около сотни. Десять миллионов иен в год — бюджет крупного научного учреждения.

Глава вторая. Слово за обедом

Канно Тадаси

Слово я услышал в апреле сорокового года, за обедом, и мне его передали вместе с солью.

Я восстанавливаю этот разговор дословно. Я умею это делать: меня учили вести протокол опыта, и я тридцать лет записываю по памяти то, что слышал днём.

Столовая была общая, на четыреста человек, с длинными столами. В тот день давали рис, суп с редькой и варёную рыбу — рыбу привозили из Харбина дважды в неделю, и в апреле она была уже не очень. За нашим столом сидело шесть человек: двое из первого отдела, инженер из третьего, я и ещё двое, которых я не помню. Говорили о зиме.

— В этом году долго не отпускает, — сказал инженер. — У меня бетон не встал, второй месяц стоит опалубка.

— У нас тоже из-за морозов задержка, — сказал один из первого отдела. Я назову его Табэ; настоящую фамилию я не хочу ставить рядом с этим. — Зато на этой неделе поступления. Восемнадцать штук.

И, не меняя голоса, через стол:

— Канно-сан, соль, если можно.

Я передал соль.

— Поступления чего? — спросил я.

— Брёвен, — сказал Табэ.

Он посолил рыбу и положил соль обратно.

Я переспросил. Я переспросил не потому, что не разобрал слово, а потому, что не понял, зачем первому отделу восемнадцать брёвен и при чём тут мороз. Я решил, что речь о топливе или о стройке.

— Я о людях, — сказал Табэ. — Их так называют. Из конспирации.

— Кто называет?

— Все. Вы тоже привыкнете.

Инженер в это время говорил, что опалубку придётся разбирать и ставить заново, и Табэ повернулся к нему и сказал, что у них в прошлом году было то же самое.

Больше за тем столом про это не говорили.

Я привык.

Это заняло, насколько я могу теперь судить, около двух недель.

Я не хочу писать здесь о том, что я почувствовал тогда. Отчасти потому, что не помню точно, а отчасти потому, что то, что я помню, мне невыгодно: я помню, что первое моё чувство было не ужас, а неловкость. Как будто я сделал что-то неприличное — переспросил вслух при посторонних то, о чём все знают и не говорят. Я покраснел. Мне было тридцать лет, я был врач, я краснел за свою нетактичность.

Второе чувство было облегчение: мне не сказали «иди посмотри». Меня не позвали. Я был из четвёртого отдела, у меня были котлы, я не имел к этому прямого отношения.

«Не имел прямого отношения» — это тоже слово из нашего списка, хотя мы не включили его в приложение, потому что оно не наше. Оно общее. Им пользуются все.

Теперь я обязан, по правилу первому, сказать, что именно я знал сам.

Я знал, что в здании внутри четырёхугольника держат людей.

Я знал, что это тюрьма, подчинённая первому отделу, и что начальником её был вольнонаёмный Исии — родной старший брат начальника отряда. Я знал, что она двухэтажная, в двух корпусах, и рассчитана на двести-триста человек, хотя при необходимости в ней содержали и больше.

Я знал, что людей туда доставляет жандармерия, и знал, что у них нет имён. У них были номера. Это я знал точно, потому что в отчётах, которые доходили до меня по другим поводам, фигурировали номера, и я ни разу — ни одного раза за пять лет — не видел на бумаге имени.

Я знал, по роду своей службы и по цифрам, которые назывались у нас как обычные производственные цифры, что в отряд доставлялось от четырёхсот до шестисот человек в год.

И я знал правило, которое у нас не было записано ни в одном наставлении и которое знали все: заражённого лечили, и если он выздоравливал, его использовали снова. И так до тех пор, пока не наступала смерть.

С этой фабрики живым не вышел никто. Я утверждаю это не по чужим словам: за всё время моей службы мне не стало известно ни об одном случае, и ни один из моих товарищей по этой книге, включая Фукуду, который возил людей туда, не знает ни одного случая.

Я не ставил опытов в тюрьме. Этим занимался первый отдел. Я этого не делал, и на суде это было установлено, и мой защитник на этом настаивал, и был прав.

Я делал бактерии, которыми это делали.

Между этими двумя фразами в протоколе стоит слово «однако». В моей жизни между ними не стоит ничего.

Я должен отметить ещё одно. Это похоже на попытку разделить ответственность; пусть останется.

В отряде работало около трёх тысяч человек, считая филиалы. Из них непосредственно в тюрьме и при опытах над людьми бывало, по моей оценке, несколько десятков. Остальные две с лишним тысячи — варили среду, точили корпуса, водили машины, вели бухгалтерию, выдавали со склада агар-агар, следили за температурой в инкубаторах, стирали халаты, готовили еду, ловили крыс, чертили схемы, переводили с китайского, лечили сотрудников, учили курсантов и писали отчёты.

Вот что такое было наше дело. Оно было устроено так, что почти никому не приходилось делать то, чего нельзя сделать и остаться собой. Каждому в отдельности доставалась работа, которую он мог выполнять.

Это самое страшное, что я могу сообщить читателю, и я сообщаю это как специалист: убить тысячи людей невозможно без того, чтобы несколько тысяч других людей занимались при этом чем-нибудь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.